

Вольфганг
Акунов

ДЕРЖАВА ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма

Вольфганг Акунов

Держава Тевтонского ордена

«Алетейя»

2019

УДК 929.71
ББК 63.3(0)4

Акунов В. В.

Держава Тевтонского ордена / В. В. Акунов — «Алетейя»,
2019 — (Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма)

ISBN 978-5-907189-00-3

Немецкому ордену Святой Девы Марии, более известному у нас под названием Тевтонского, в отечественной (да и не только) историографии, беллетристике и кинематографии, прямо скажем, не повезло. Почти всем с детства запомнилось выражение «псы-рыцари», хотя в русских летописях этих «псов» именовали куда уважительней – «Божьи дворяне» или «Божьи слуги». При слове «тевтонский» в сознании у многих сразу возникает негативный ассоциативный ряд: Ледовое побоище – железная свинья – колыбель агрессивного прусского юнкерского государства – предтеча германского фашизма... Что же на самом деле кроется под названием «рыцари-тевтоны»? Каковы их идеалы, за которые они были готовы без колебаний жертвовать жизнью?

УДК 929.71

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-907189-00-3

© Акунов В. В., 2019

© Алетейя, 2019

Содержание

1. Зачин	6
2. «Уж не черт ли этот враг?», или Представлял ли Тевтонский орден реальную угрозу для Руси и Православия?	8
3. Был ли Тевтонский орден «форпостом германской экспансии»?	12
4. Акконская странноприимница	14
5. Об Уставе Тевтонского ордена	19
6. Царство, разделившееся в себе, может ли устоять?	21
7. Тевтонские рыцари и Крестовый поход Фридриха Гогенштауфена (1228—1229)	24
8. О воинстве Христовом	29
ордена.	31
10. Что произошло на Чудском озере	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вольфганг Акунов

Держава Тевтонского ордена

Моей семье посвящается

*Там, куда заходит солнце,
У балтийских берегов,
Были крепости ливонцев —
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они,
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны...*

Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»

Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма

Под редакцией действительного члена Академии военных наук, профессора
Александра Шаравина

В этом замке был один брат, который, будучи обманутым кознями дьявола, воистину полагал, что в ордене дома Тевтонского он не может обрести спасения души, затаив в сердце своем желание вступить в более строгий орден. После этого он увидел во сне святого Бернарда, Доминика, Франциска, Августина, шедших во главе своих братьев, и он, обращаясь к ним, слезно просил, чтобы они приняли его в братство, а они один за другим отказывали. Самой же последней шла Пресвятая Дева Мария со многими братьями дома Тевтонского; он начал смиренно умолять ее, прося, чтобы она позволила ему, по крайней мере, остаться в товариществе братьев своих. Сказала ему Пресвятая Дева: «Это невозможно, ибо тебе кажется, что орден твой настолько нестрог, что нет в нем ничего, что ты согласно желанию твоему мог бы претерпеть». И, снимая плащи с каждого из братьев, она показала раны, которые были нанесены язычниками и от которых они погибли ради защиты веры; и сказала: «Разве не кажется тебе, что эти братья твои претерпели нечто во имя Иисуса Христа?» И с этими словами видение исчезло. И этот брат, проснувшись и придя в себя, пошел в собор, где собрались братья; и то, что раньше легкомысленно открыл им о намерении своем, теперь, как мудрый и искушенный, смиренно отвергая как ошибочное, всем поведал о видении, явившемся ему. Этот брат, следуя по пути служения Богу, вскоре после того был убит язычниками.

Петр из Дусбурга.

«Хроника земли Прусской»

1. Зачин

Не лепо ли бяшетъ, братия, начата старыми словесы трудный повести... а впрочем, лучше

Мы слогом сегодняшним песню начнем,
На происшедшее глянув —
Певцу не к лицу избитый прием,
Ветхий обычай Боянов!

Немецкому ордену (Deutscher Orden), более известному у нас под его другим названием — Тевтонского (а также под совершенно фантастическим названием «Ливонского ордена», никогда в истории не существовавшего), в отечественной историографии, а пуще того — беллетристике и кинематографии, не говоря уже о творениях славной когорты советских журналов-международников, прямо скажем, не повезло. Что там «латы с черными крестами»! В учебном пособии по российской истории под редакцией известного советского профессора, разоблачителя русского и международного масонства, историка и публициста Николая Николаевича Яковлева (получившего как-то при всем честном народе пощечину от всемирно известного — ныне покойного — отца советской водородной бомбы, диссидента академика Андрея Дмитриевича Сахарова за то, что непотребно отозвался о супруге последнего в другом своем опусе — «ЦРУ против СССР»), рыцари Тевтонского ордена наступают по льду Чудского озера аж под... черным знаменем с белым черепом и костями! Вот, оказывается, насколько запал многим «бывшим советским» в душу известный эпизод из незабвенного фильма «братъев» Васильевых «Чапаев»! Как же — как же, «фашистский стиль», архетип врага, и все такое прочее...

С детства почти всем запало в душу выражение «псы-рыцари», которым заклеил «тевтонов» борец за свободу мирового пролетариата товарищ Карл Маркс. Хотя в русских летописях и житиях благоверных князей — например, в «Житии Александра Невского» этих «псов» именовали с куда большим уважением — «Божии дворяне», «слуги Божии», «Божии риторы», то есть «Божии рыцари».

При слове «тевтонский» сразу невольно напрашивается ассоциативный ряд — «псы-рыцари», «Ледовое побоище», «железная свинья», «проклятые крыжаки», «колыбель агрессивного прусско-юнкерского государства» и, конечно же, — «предтечи германского фашизма» (последний аспект «ассоциативного ряда» наиболее ярко проявился в «Автобиографии» знаменитого советского поэта-«шестидесятника» Евгения Александровича Евтушенко, на страницах которой он изливался в своей ненависти к немецким рыцарям-«тевтонам», несшим на своих щитах «крест — зародыш гитлеровской свастики»). Этот набор штампов при желании можно было бы продолжать до бесконечности. Некоторые горе-публицисты договариваются даже до того, что «немецкие рыцари ордена Девы Марии», якобы «ходившие на Православные земли под черно-белым знаменем тамплиеров» (!! — В.А.), в свою очередь, якобы «стоявших у истоков Тевтонского ордена» (!! — В.А.), встретили «в степях» (Забайкалья?! — В.А.) и «направили на Русь воевавшего в Средней Азии Чингисхана» (!! — В.А.), чей «черно-белый штандарт удивительно походил на тамплиерский» (!! — В.А.).

Для справки — у Чингисхана было «девятибунчужное» белое знамя (с изображением серого кречета, держащего в когтях черного ворона), украшенное, по мнению одних исследователей, девятью черными хвостами яков, а по мнению других — например, Юрия Николаевича Рериха, сына знаменитого художника-теософа — девятью белыми лошадиными хвостами. Если верить Морису Давидовичу Симашко, знамя монголов было кроваво-красным («цвета теплой крови»), если же верить Чингизу Торекуловичу Айтматову — черным, с ярко-красной

каймой и вышитым яркими шелками и золотой нитью огненным драконом, извергающим из пасти пламя.

О тамплиерском знамени «Босеан» известно, что оно представляло собой черно-белое двух- или многополосное полотнище (или же полотнище в черно-белую клетку, наподобие шахматной доски – на этом основании один из наших главных «православных конспирологов» – Юрий Юрьевич Воробьевский! – не замедлил объявить «преемниками тамплиеров»...хорватских националистов-«усташей» доктора Анте Павелича, невзирая на то, что их «шахматное» знамя и «шахматный» герб были не черно-белыми, как у храмовников, а бело-красными). А знаменем Тевтонского ордена служили полотнище с Образом Пресвятой Богородицы с Богомладенцем Христом на руках, либо же белая хоругвь с черным крестом (первоначально же – простое белое полотнище безо всяких изображений – в знак чистоты веры и помыслов собравшихся под ним рыцарей-монахов). Вот и судите сами, дорогие читатели, о существовавшем между ними «удивительном сходстве»...

2. «Уж не черт ли этот враг?», или Представлял ли Тевтонский орден реальную угрозу для Руси и Православия?

Под пером «энтузиастов» и «популяризаторов» отечественной истории бои сугубо местного значения под Псковом и Изборском, стычки – пусть кровопролитные, но буквально переполняющие историю средневековой Европы эпохи феодальной раздробленности, эпохи войны «всех против всех», превращаются в оборону всей обескровленной татаро-монголами Руси от натиска римско-католической (то есть универсалистской, космополитической и направленной на объединение всего христианского мира под верховной властью римских пап) и в то же время (вот необъяснимое противоречие!) немецко-феодальной (то есть сугубо национальной и – с учетом смертельной вражды между римскими папами и тогдашними германскими императорами, доходившей до отлучения последних – например, Генриха IV или Фридриха II из династии Гогенштауфенов – папами от церкви! – антипапской) агрессии.

А если учесть, что в тогдашнюю «Германию», то есть «Священную Римскую империю (германской нации)», по-латыни: «*Sacrum Imperium Romanum (Nationis Teutonicae)*», по-немецки: «*Heiliges Roemisches Reich (deutscher Nation)*» – отнюдь не являвшуюся в действительности, по меткому выражению одного современника, повторенному впоследствии т. Карлом Марксом, ни «священной», ни «римской», ни «империей», ни – добавим мы от себя – «германской» в современном понимании этого слова! – входили добрая половина Италии и Франции, Бургундия, Сицилия, Неаполь, Нидерланды, Чехия, Силезия и прочая и прочая, что в походах-«рейсах» («рейзах», «райзах», нем.: *Reisen*) «Немецкого» ордена против язычников столетиями принимали участие уроженцы всех стран христианской Европы – начиная с моравского маркграфа, австрийского герцога и чешского короля (все – в одном лице!) Оттокара (Отакара) II Пшемисла, именно в честь которого был назван основанный им в середине XIII в. в Пруссии город Кенигсберг (нынешний Калининград), и кончая английским принцем Генрихом Дерби, позднее возшедшим на британский престол под именем Генриха IV Ланкастерского – то о каком агрессивном немецком национализме можно было вообще в тот период говорить?

В Крестовом походе «Немецкого» ордена зимой 1344 г. против языческой Литвы, к примеру, участвовали король Богемии Иоанн Люксембургский, король Венгерский, граф Голландский, герцог де Бурбон, бурграф Нюрнбергский, граф Голштинский (Голынтейнский), чешские, силезские, моравские, австрийские и шотландские рыцари и многие другие. С другой стороны, всегда ли верно изображать «Господин Великий Новгород» – оплот весьма сомнительной, хотя и усердно воспевавшейся, в частности, декабристами вечевой «свободы» (а говоря по-простому – «кто кого перекричит»; да и «вечевых горланов» – профессиональных крикунов – можно было без особых церемоний перекупить за деньги, так что торговля думскими голосами является отнюдь не изобретением нашего времени!) неким щитом, якобы прикрывавшим всю Русь с Запада, от натиска «агрессивного католицизма». Это Новгород-то, изначально бывший не только источником постоянных и направленных всегда на подрыв власти общерусского Великого князя, где бы он не сидел – в стольном ли Киеве, Владимире, Суздале, Твери или Москве! – кровавых смут, но и, самое главное, лютых ересей! «Стригольники», «жидовствующие» и прочие еретики – все они расползались по Святой Руси не откуда-нибудь, а именно из славного Новгорода и другой «северной республики» – Пскова (высокомерно именующего новгородцами своим «посадам», а говоря по-нашему – «пригородом»)!

Новгород постоянно враждовал с Псковом. Хорош защитник русской государственности и Православной веры, который даже свою долю дани татаро-монголам отдавал очередному

общерусскому Великому князю лишь ценой большой крови и постоянно интриговал против каждого Великого князя Владимирского, натравливая на него других князей, подкупленных новгородским «заволочским» серебром! Этому безобразию был положен конец только Великим Государем Московским и Всея Руси Иоанном III, в результате двух войн силой (причем при активной поддержке другого «ревнителя свободолюбивых вечевых традиций Северной Руси» – упомянутого выше «новгородского посада» Пскова!) усмирившим и подчинившим Своей Державной воле вконец запутавшийся в собственных интригах «Господин Великий Новгород». А окончательно вбил «осиновый кол» в гроб этого оплота «вечевых свобод» и ересей Царь Иоанн Васильевич Грозный, Верховный магистр ордена православных опричных рыцарей, выступивший, промыслительно (как это ни покажется кому-то странным), в роли «мстителя» за разгром новгородским войском войска другого христианского рыцарского ордена на (или, по мнению иных историков, при) Чудском озере пятью столетиями ранее!

Новгородский князь Александр Ярославин, прозванный Невским за свою победу над шведами на р. Неве в 1240 г., постоянно конфликтовал с «Господином Великим Новгородом» (приходилось даже усмирять непокорство «боярской республики» на Волхове вооруженной рукой, «урезать носы» и «вынимать очи» особо буйным новгородцам, сумевшим настроить против князя его собственного сына Василия Александровича, посаженного за это разгневанным отцом в «поруб» после подавления бунта). В то же время Александр Невский (как и другой выдающийся военно-политический деятель XIII в. – князь Даниил Галицкий) – активно вел переговоры с папой римским Иннокентием IV, причем (как и Даниил) удостоился от папы королевского титула. Об истории получения Даниилом Галицким от папы короны «короля Руси (Рутении)» ныне не знают только полные невежды (чего не скажешь об аналогичной истории коронации Александра Невского – если не считать невразумительного описания в любимом всеми нами с детства романе Василия Григорьевича Яна «Юность полководца» прибытия к князю Александру таинственного странника «Андреяша», привезшего ему в мешке королевскую корону от папы римского и отосланного князем обратно «несолоно хлебавши»; скорее всего, речь идет о домысливании уважаемым романистом, в компетентности которого у нас нет ни малейших сомнений – видимо, в угоду тогдашней политической конъюнктуре! – упоминания в «Житии» Святого благоверного князя Александра Невского некоего «Андреяша», пораженного выдающимися качествами Невского победителя; хотя упоминаемый в «Житии» Андреяш – отнюдь не замаскированный под убогого «калику переходящего» тайный папский посланец, а ливонский ландмейстер Тевтонского ордена Андреас фон Вельвен, о чем совершенно недвусмысленно сказано в комментариях к «Житию»). До нашего времени сохранились две буллы (послания) папы Иннокентия Александру Невскому – между прочим, сватавшему своего сына за дочь правителя Норвегии Гакона (Хокона), исповедовавшего римско-католический вариант христианской веры. В первой булле, датированной 22 января 1248 г., римский понтифик предлагал князю Александру, именуемому им «благородным мужем Александром герцогом Суздальским» (лат.: *nobili viro Alexandro duci Susdaliensi*), присоединиться, ПО ПРИМЕРУ ЕГО ПОКОЙНОГО ОТЦА ЯРОСЛАВА (выделено нами – В.А.), к римской (католической) церкви, и просил его, в случае наступления татар, «извещать об этом наступлении братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы... безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать». А во второй папской булле (датированной 15 сентября 1248 г.) римский понтифик обращался к князю Александру, который в своем ответе на предыдущую буллу «со всяческим рвением испросил, чтобы (его) приобщили как члена к единой главе церкви через истинное послушание, в знак чего (он) предложил (папке) воздвигнуть в граде твоём Плескове (Пскове) соборный храм (кафедральный собор) для латинян» (лат.: *in Pleskove civitate tua Latinorum Ecclesiam erigere cathedralem*) уже как к светлейшему королю Новгорода» (лат. *illustri regi Nougardiae*). Подробнее обо всем этом при желании можно прочитать в статье Антона Анатольевича Гор-

ского «Два “неудобных” факта из биографии Александра Невского» // «Александр Невский и история России». Новгород, 1996, с. 84-75) и в книге Николая Викторовича Кленова «Несостоявшиеся столицы Руси: Новгород, Тверь, Смоленск, Москва», М., 2011, с. 42-43). Что касается «дружеских уз», существовавших, по мнению иных горе-историков, между рыцарями Святой Девы Марии и татаро-монголами, которым они якобы служили чем-то вроде проводников, то наглядным свидетельством этой «нерушимой дружбы» может служить не только высказанная в упомянутой выше папской булле обращенная к Александру Невскому просьба извещать об ожидаемом татарском наступлении «братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы... безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать», но и битва под Лигницей (Вальпхаттом) в 1241 г., в которой силезский князь Генрих Благочестивый со своими польскими и немецкими рыцарями – главным образом, иоаннитами, тамплиерами и тевтонскими «кавалерами Пресвятой Девы Марии», и впрямь «сим татарам мужественное сопротивление оказал», пав под татарскими стрелами и саблями, но преградив туменам Батыеа дальнейший путь на Запад! А в 1389 г. тевтонские «псы-рыцари» в союзе с литовским князем Александром-Витаутасом (по-русски: Витовтом, по-польски: Витольдом), с польскими и венгерскими крестоносцами-католиками и с православными русскими князьями (в том числе и знаменитым воеводой Дмитрия Донского – Дмитрием Боброком Волынцем, фактическим победителем войска ордынского беклеярибека Мамаеа на поле Куликовом девятью годами ранее!), а также с православным же молдавским господарем Стефаном I Мушатом сразились на реке Ворскле с татарской ордой хана Едигеа и своей совместно пролитой кровью засвидетельствовали верность Вере Христовой!

Что же до великой победы объединенного «славянского» (добрую половину которого, впрочем, составляли жмудь, литовцы, армяне, караимы и опять-таки татарские орды!) войска над «проклятыми крыжаками» под Танненбергом («Грюнвальдом»), то ведь именно после этой «великой победы над общими врагами всего славянства» объединенные «братья-славяне», католики-поляки и литвины стали с удвоенной силой теснить «своих», западнорусских, православных «братьев-славян», и в то же время регулярно ходить огнем и мечом на Москву, пока дело не дошло до лжедмитриев, тушинских воров и Семибоярщины. Столь серьезной угрозы Тевтонский орден для Руси не представлял никогда. Наоборот, именно тевтонские рыцари, вывезенные русскими из завоеванной Ливонии, стояли у истоков создания Иваном Грозным с целью укрепления Российского государства первого в нашем Отечестве военно-рыцарского ордена – опричнины! Но об этом мы почему-то забываем, хотя это не секрет. Гораздо лучше западают в память, например, такие строки из любимой всеми нами в детстве книжки Натальи Петровны Кончаловской «Наша древняя столица» (книжки, действительно замечательной во многих отношениях, хотя и переизданной несколько раз (причем в каждое новое издание вносились исправления, дополнения и купюры, в соответствии с изменениями внутри- и внешнеполитической конъюнктуры Страны Советов). Для вящей убедительности процитируем ее ниже несколько подробнее, чем в эпиграфе:

Там, куда заходит солнце,
У балтийских берегов,
Были крепости ливонцев —
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они,
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны...
Был ливонский рыцарь страшен,
Занимался грабежом.

Плохо было людям нашим
За ливонским рубежом...
Враг-то, видно, чародей,
Не похожий на людей!
Уж не черт ли этот враг?
Не возьмешь его никак!

(«О краях твоих законных, о врагах твоих исконных»)

Впрочем, не станем далее «растекаться мыс (л) ью по древу», а только заметим себе, что пришла, наверное, пора отказаться от некоторых, хотя бы самых заскорузлых, штампов, и попытаться трезво, без эмоций, разобраться, что это все-таки были за страшные «псы-рыцари», «не похожие на людей».

3. Был ли Тевтонский орден «форпостом германской экспансии»?

После взятия мусульманами (или, как говорили еще не так давно, магометанами) христианского порта-крепости Аккон (Сен-Жан д Акр) в 1291 г., сделавшего невозможным дальнейшее пребывание руководства Тевтонского ордена Приснодевы Марии в Святой земле, ему пришлось перенести свою резиденцию сперва на остров Кипр, затем в Венецию, в Венгрию – точнее, Трансильванию, или Се (д) миградь – и, наконец, в языческую Пруссию (Боруссию или Прутению), куда переместился основной центр могущества ордена и орденских владений. Будучи основан в конце XII в. в Святой Земле и со временем распространив свою деятельность на Трансильванию, Пруссию и Ливонию, Тевтонский орден сражался там против язычников (половцев, пруссов, куршей, леттов, ливов и эстов), начиная с 1231 г. Именно на этих территориях, именовавшихся, подобно русской земле, Уделом Пресвятой Богородицы (Терра Мариана) ему удалось, в отличие от Палестины, Сирии, Киликии и Греции, закрепиться «всерьез и надолго».

Начиная с 1309 г., замок, а затем – город Мариенбург (что по-немецки означает: «град Пресвятой Девы Марии»), по-польски – «Мальборг» или «Мальборк» (что – увы! – равным счетом ничего не означает ни по-польски, ни на каком другом языке) стал резиденцией Верховного магистра одноименного ордена и центром комплекса владений, который получил у историков название «Немецкого орденского государства», хотя он не являлся, как мы увидим, ни «немецким», ни «государством» в современном понимании этого слова. Это расположенное – главным образом – в Пруссии и Ливонии, то есть за пределами тогдашней «Германии» (упоминавшейся нами выше «Священной Римской империи германской нации», именовавшейся в описываемое время чаще всего просто «Римской империей») и потому фактически абсолютно независимое от тогдашнего (во многом чисто номинального) «главы» этой «империи» (который даже и на «своих», то есть – пусть даже чисто формально! – входивших своими владениями в империю германских князей не имел почти никакого влияния, будучи лишь «первым среди равных» и даже не имея в «Германии» постоянной столицы – столицей считался далекий Рим!) орденское государство, несмотря на свои своеобразные структуры и на то обстоятельство, что первоначальная задача ордена Девы Марии заключалась исключительно в уходе за больными, борьбе с язычниками и военной защите христианских миссионеров, с течением времени превратилось – в Восточной Европе – в феодальное государство, по сути дела мало отличавшееся от соседних, и втянутое в типичные межгосударственные конфликты, связанные с взаимной экспансией всех этих конкурировавших между собой на международной арене государств.

Именно в этих конфликтах, в особенности с Польшей и Литвой, (но уж никак не с Древней Русью!) и заключалась одна из важнейших (хотя и далеко не единственная!) причина позднейшей гибели этого прусско-ливонского государства тевтонских рыцарей, силы которого были подорваны пришедшей из Германии антикатолической Реформацией, окончательно прекратившего свое существование в 1525 г., после того, как Тевтонский орден еще в 1466 г. был вынужден уступить Польскому королевству свои наиболее богатые владения в Пруссии. В 1525 г. произошла секуляризация остатков прусского орденского государства – его последний глава, Верховный магистр (Гохмейстер) Альбрехт Бранденбург-Ансбахский из рода Гогенцоллернов, тайно приняв лютеранство, объявил себя герцогом Прусским, присягнул на верность своему родному дяде – польскому королю – и получил от него прусские земли Тевтонского ордена в качестве лена. Это принесение присяги сопровождалось кошунственной с точки зрения любого нормального христианина церемонией – сам Альбрехт и сопровождавшие его орденские рыцари широким жестом сорвали со своих белых плащей черные кресты и швыр-

нули их наземь. Но, видимо, все собравшиеся, включая короля и магистра, уже настолько прониклись великими гуманистическими идеями «титанов Возрождения», что не нашли в этом всенародном поругании Святого Креста ничего предосудительного! Именно так – откровенно воровским образом! – появилось первое в континентальной Европе протестантское государство.

Дошедший до нас прижизненный портрет Гохмейстера Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, кстати, наглядно демонстрирует нам, насколько размытыми в сознании этого узурпатора и типичного человека эпохи Ренессанса были заложенные в пору развитого Средневековья христианско-рыцарские основы, на которых зиждился возглавляемый им – в силу роковой исторической случайности! – древний орден. Магистр Альбрехт изображен на портрете в белом плаще с черным крестом, то есть в орденском облачении рыцаря-«тевтона», но... со светским бранденбургским орденом рыцарей Лебеда (нем.: Ritter des Schwanenordens) на шее – вещь, совершенно невозможная в классическую средневековую эпоху, когда орден воспринимался не в качестве награды, которую можно было получить, а в качестве организации, в которую можно было вступить и в ней состоять.

В начальный, «классический» период существования духовно-рыцарских орденов рыцарь (как и всякий иной член ордена – священник, сержант-«сариант», «полубрат», «фамилиар» – обо всех этих орденских «сословиях» мы еще подробнее расскажем далее) мог принадлежать только к одному ордену, вступление одновременно и в какой-либо иной орден было просто немыслимо (как военная служба одновременно в армиях двух разных государств). Даже переходы из одного ордена в другой были чрезвычайно редким явлением. Но, как видно, ко времени, когда Гохмейстер Альбрехт совершил в Пруссии государственный переворот, совсем другие идеи завладели умами. Впрочем, своеобразным напоминанием о «монашески-рыцарском» прошлом новоявленного светского герцога Прусского служило золотое изображение Пресвятой Богородицы (покровительницы Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии) с Богомладенцем Иисусом на руках, служившее верхней частью подвешенного к орденской цепи медальона (нижнюю часть образовывало изображение Лебеда).

Уцелевшие в своих анклавах на территории Германии тевтонские рыцари долго протестовали против этого грабежа среди бела дня и убедили императора Карла I Габсбурга, защитника римско-католической веры, хотя и большого недруга папы, поставить Альбрехта Гогенцоллерна вне закона. Однако по всей «Священной Римской империи германской нации» бушевали религиозные войны, и в ней не нашлось силы, способной заставить узурпатора вернуть Тевтонскому ордену незаконно отторгнутые у него владения. Орден Девы Марии официально так и не смирился с потерей Пруссии. Более того, когда руководство им позднее перешло в руки принцев из католической австрийской династии Габсбургов, австрийские императоры (являвшиеся одновременно императорами «Священной Римской империи») долго не признавали за потомками Альбрехта фон Гогенцоллерна право именоваться «королями Пруссии» (нем.: Könige von Preussen), упорно именуя их лишь «королями в Пруссии» (нем.: Könige in Preussen).

В 1561 г. Тевтонский орден потерял и свои земли в Ливонии, первоначально завоеванные в ходе Ливонской войны победоносными войсками благоверного Православного Государя Иоанна Васильевичем Грозного, а затем отвоеванные у Московского государства и разделенные между собой Швецией, Данией и Польско-Литовским государством – «Речью (правильнее: Жечью) Посполитой». Отдавшийся под их защиту последний геермейстер – наместник Верховного магистра Тевтонского ордена в Ливонии – Готтгард фон Кеттлер (Кеттелер, Кетлер) – сохранил за собой часть бывших орденских владений в Курляндии и Семигалии (Земгалии), превратив их в свое собственное светское Курляндское герцогство. Но об этом позже. Будем излагать события по порядку.

4. Акконская странноприимница

При римско-германском императоре Генрихе VI Гогенштауфене «Священной» римско-германской империи удалось подчинить себе, после Англии, остров Кипр, в знак чего император Генрих прислал Амори (Амальрику) де Лузиньяну, титулярному королю Иерусалимскому, скипетр, с которым последний короновался королем Кипрским в Никосии в 1197 г. Фактически и юридически это означало подчинение не только Кипра, но и Иерусалимского королевства «Священной Римской империи германской нации», в вассальной зависимости от которой находилась и Армения (Киликия). Но немецкое влияние стало возрастать и в самой Святой Земле. Последнее было связано с основанием и деятельностью там Тевтонского ордена.

В истории возникновения Тевтонского ордена можно усмотреть немало параллелей с историей возникновения иерусалимского ордена госпитальеров Святого Иоанна (госпитальериев, странноприимцев, гостеприимцев или иоаннитов), который тогда нередко называли просто «Госпиталем», нем.: Шпиталь, Spital (этот иерусалимский госпитальерский, или странноприимный, орден Святого Иоанна не следует путать с другим, возникшим позднее, Акконским, или Акрским, госпитальерским орденом Святого Иоанна и Святого Фомы). Еще в правление умершего в 1118 г. короля Иерусалимского Бодуэна (Балдуина)

I («царя Балдвина» или «царя Балдвина» древнерусских летописей и «Хожения в Святую Землю» игумена Даниила) некий «проживавший в Святом граде тевтон (немец) основал странноприимный дом для немецких паломников, вскоре достигший, благодаря многочисленным пожертвованиям, значительного благосостояния». Однако этот Тевтонский (Немецкий) странноприимный дом не был самостоятельным, а считался филиалом иоаннитского Госпиталя, отличаясь от него лишь тем, что функции странноприимцев в нем выполняли только служащие братья из Германии. Их попытка добиться независимости своего госпиталя от иоаннитов, не была одобрена папой римским Целестином II (1143-1144), специальным указом признавшим справедливым подчинение Немецкого дома Магистру Госпиталя иоаннитов и даровавшим иоаннитскому магистру право назначать приоров немецких странноприимцев. Конец существованию Тевтонского странноприимного дома в Иерусалиме положила катастрофа 1187 г. – разгром армии Иерусалимского королевства и взятие Святого Града Иерусалима султаном Египта и Сирии Салах-ад-Дином (Саладином) из династии Эйюбидов.

Епископ Акконский Иаков (Жак) де Витри (1216-1224) в своей «Иерусалимской истории» (*Historia Hierosolimitana*) писал о возникновении Тевтонского ордена следующее:

«Когда Святой Град начал вновь заселяться после его освобождения христианами, то многие тевтоны (немцы – В.А.), или аллеманы, стали, в качестве паломников, прибывать в Иерусалим, но не могли объясняться с жителями города на своем языке. И тогда Божественное милосердие побудило некоего достопочтенного, благочестивого тевтона (немца – В.А.), проживавшего в этом городе со своей супругой, на собственные средства основать странноприимный дом (госпиталь – В.А.) для размещения в нем бедных и больных тевтонов. И когда туда, привлеченные звуками родного языка, стали стекаться его многочисленные бедные и больные единоплеменники, он, по воле и с согласия Патриарха, наряду с вышеупомянутым странноприимным домом, основал и ораторий (молитвенный дом – В.А.) во славу Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Долгое время нес он безропотно бремя тягот содержания бедных больных, частью на собственные средства, частью за счет доброхотных даяний благочестивых верующих.

Иные, в особенности из числа народа тевтонов (немцев), отрекшиеся от мира и всего, что в мире, привлеченные любовью и рвением сего мужа, отдали все свое имущество и самих себя вышеупомянутому госпиталю, сложили с себя мирское платье и всецело посвятили себя служению больным. Когда же, с течением времени, наряду с благочестивыми мужами низкого

звания, обет служения в вышеупомянутом госпитале начали приносить и мужи рыцарского и благородного звания, они сочли приятным в очах Господа, достойным и еще более заслуженным делом не только служить больным и убогим, но и каждодневно жертвовать своей жизнью во имя Христа и, защищая Святую Землю, вести за Христа не только духовную, но и телесную брань. И потому они, не отказываясь от вышеупомянутого, угодного в очах Господа ухода за больными, приняли правила и законы Храма (то есть ордена тамплиеров – В.А.), но, в отличие от храмовников, прикрепили на свои белые плащи черные кресты. И, поскольку они по сей день пребывают в бедности и благочестивом рвении, то да удержит их милосердный Господь в дали от раздувающего гордыню, вызывающего ссоры, умножающего заботы и умаляющего рвение богатства».

В действительности Тевтонский орден, полное название которого приводилось в разных источниках по-разному: «орден рыцарей госпиталя Святой Марии Немецкого Дома», «орден рыцарей госпиталя немцев в Иерусалиме», или «орден братьев Немецкого госпиталя Пресвятой Девы Марии в Иерусалиме», третий по времени основания, известности и могуществу духовно-рыцарский римско-католический орден, был учрежден во время осады портового города Аккона (библейского Аккарона, носившего в разные периоды своей многовековой истории и другие названия – Екрон, Акко, Акка, Птолемаида, Акра, Сен-Жан д'Акр) в Святой Земле в 1190 г., в период Третьего Крестового похода. Его основателями были крестоносцы (в широком значении этого слова – не воины, взявшие крест, дабы разить неверных копьем и мечом на поле брани, а принявшие участие в Крестовом походе благочестивые купцы) из северогерманских ганзейских городов, в том числе из Бремена и Любека, избравшие своим главой некоего Сибранда (Сигибранда, Зибранда, Зигибранта или Зигебранда), о котором, впрочем, не известно ничего, кроме имени. Иные историки даже полагают, что этот Сибранд был вовсе не первым главой исторического Тевтонского ордена, основанного под стенами Аккона, а ректором (или, выражаясь церковным языком, предстоятелем) немецкого странноприимного братства, учрежденного под патронажем ордена госпитальеров Святого Иоанна в Иерусалиме и прекратившего свое существование после захвата Святого града султаном Египта и Сирии Салах-ад-Дином (Саладином) в 1187 г.

Между этим «зародышем» позднейшего духовно-рыцарского Тевтонского ордена и этим позднейшим орденом, по мнению многих исследователей, не существовало никакого преемства. Впрочем, историки самого Тевтонского военно-монашеского ордена всегда утверждали обратное (отрицая в то же время утверждения историков ордена святого Иоанна о зависимости иерусалимской тевтонской странноприимницы от тамошнего иоаннитского госпиталя). Как бы то ни было, исторический Тевтонский орден (орден рыцарей черного креста Девы Марии), основанный (или восстановленный в 1190 г. под стенами Аккона), первоначально также представлял собой братство гостеприимцев, или странноприимцев (наподобие Иерусалимского братства госпитальеров-иоаннитов) и содержал госпиталь, размещавшийся первоначально на борту вытащенного на берег корабля, а затем – в нескольких парусиновых палатках для больных и раненых, раскинутых под открытым небом.

После освобождения города крестоносцами от власти сарацин, «тевтонские» госпитальеры получили в свое распоряжение каменный странноприимный дом – нечто вроде гостиницы или постоялого двора, где нуждавшиеся в помощи всякого рода крестоносцы и просто паломники получали бесплатно пищу, кров и первую медицинскую помощь. Подобно названиям других сходных благочестивых объединений той эпохи, название братства странноприимцев-«тевтонов» – как только их не называли в последующие времена: «немецкие господа», «господа Немецкого дома», «круциферы», «круцисигнати», «кавалеры Святой Марии», «марианиты», «марианцы», «мариане» (просьба не путать с другими «марианами» – членами польского чисто монашеского ордена под названием «Конгрегация Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии»), или просто «крестоносцы»!, следовавших первоначально уставу ордена

Святого Иоанна (что может быть, при желании, расценено как косвенное свидетельство в пользу их первоначальной зависимости от Иерусалимского госпиталя иоаннитов), указывало на их неразрывную связь со Святым Градом Иерусалимом, как идейным центром всех крестоносцев.

Избрав небесной покровительницей своего благочестивого братства Пресвятую Богородицу и Приснодеву Марию, они, хотя и основали свой первый госпиталь не в Святом Граде, а в пригороде Аккона – морских ворот Палестины и главнейшего оплота воинов Христовых в Святой Земле, тем не менее, назвали его «Немецкий (Тевтонский) странноприимный дом Пресвятой Девы Марии, что в Иерусалиме», дав аналогичное название и самому своему госпитальерскому братству. Жили они в большой бедности, питаясь «хлебом смирения и водой сердечного сокрушения», «об одежде и пище пеклись лишь настолько, насколько это было жизненно необходимо». Избрав истинную нищету, они отказались от собственных желаний; и так во имя Христа они связали жизнь свою с разными бесчисленными неудобствами, опасностями, заботами, тревогами». По словам брата Петра из Дусбурга (вероятно, современного немецкого города Дуйсбурга), летописца Тевтонского ордена: «...из холщовых мешков, в которых по морю перевозилась для них мука, делали они холщовые одежды, в которые с радостью одевались». Перед возвращением из Палестины на родину купцы-основатели тевтонского странноприимного братства поручили свой госпиталь заботам двух спутников знатного германского крестоносца герцога Фридриха Швабского, сына римско-германского императора, – его капеллану (священнику) Конраду и камерарию (камергеру, то есть ключнику) Буркхарду.

Сам герцог Фридрих Швабский взял новое благочестивое братство (к которому стало постепенно примыкать все больше воинов, в том числе и рыцарей, для охраны немецких странноприимцев от набегов сарацин – этим собирательным названием, происходившим от названия одного из арабских племен, крестоносцы обозначали всех мусульман, как арабоязычных, так и тюркоязычных) под свое покровительство и наилучшим образом рекомендовал его своему брату, императору Генриху VI. Благодаря его стараниям (хотя и через несколько недель после его смерти – согласно завещанию герцога Фридриха он был похоронен в церкви тевтонского странноприимного дома) братство было официально признано папой римским Климентом III, а его признание, в свою очередь, подтверждено 21 декабря 1196 г. папой Целестином III. Но уже по прошествии всего восьми лет со дня основания, в 1198 г., это немецкое странноприимное братство было – по примеру других орденов крестоносцев, например, тех же иоаннитов, с согласия двух старших рыцарских орденов – храмовников-тамплиеров (темплиариев) и иоаннитов-госпитальеров (госпиталариев) – преобразовано в рыцарский союз и в качестве такового официально признано папой Иннокентием III буллой от 19 февраля 1199 г. Папа (а точнее говоря – антипапа, возведенный на римский престол волей германоримского императора) Григорий III (1191-1198) в 1196 г. даровал новому сообществу обычные привилегии, предоставляемые всем орденам. Превращение братства в рыцарский орден произошло весной 1198 г. на собрании в Акконском «орденском доме» тамплиеров. Одиннадцать епископов и девять светских германских имперских князей, пребывавших в Акконе в связи с Крестовым походом императора Генриха VI, встретились там с Великими магистрами тамплиеров и иоаннитов. Согласно их решению, Тевтонский орден должен был отныне руководствоваться, в отношении клириков (священников), рыцарей и прочей братии Уставом (Правилами) тамплиеров, а в отношении ухода за бедными и больными – Уставом (Правилами) иоаннитов.

Магистром «тевтонов» был избран (или назначен) «брат-рыцарь» Немецкого ордена, Генрих Вальпот (или Вальпото). Правда, в официальной орденской историографии основателем Тевтонского дома по традиции считается упомянутый нами выше Зибранд (Сибранд, Сигибранд или Зигибранд), о котором, в сущности, не известно ничего, кроме имени. Некоторые историографы идентифицируют таинственного Зибранда с иерусалимским «благочестивым тевтоном», упоминаемым Иаковом де Витри. Последнее представляется неоснователь-

ным, тем более, что не существует никакой уверенности в наличии прямой преемственности между Тевтонским странноприимным домом в Иерусалиме, скорее всего, навсегда прекратившим свое существование и деятельность после захвата города сарацинами после битвы при Хиттине в 1187 г., и Тевтонским орденом, учрежденным в Акконе в 1198 г. (хотя летописцы последнего по сей день пытаются создать впечатление, будто такая преемственность существует!).

Именно поэтому иные историки ведут отсчет истории Тевтонского ордена не с 1190, а с 1198 или с 1199 г. Наряду с тремя монашескими обетами нестяжания (бедности), целомудрия (безбрачия) и послушания, новый орден, включил в свой первоначальный («иоаннитский») устав «тамплиерский» обет неустанно ратоборствовать за обращение язычников в Христову веру, и получил в качестве облачения (*habitus*) для «братьев-рыцарей» тамплиерский белый (а не синий, как почему-то решили Виктор Богатырев, Михаил Пензиев и Игорь Дьячук – авторы увидевшей свет в 2010 г. в Санкт-Петербурге книги «Военно-духовные ордена»!) плащ (вскоре послуживший пищей для раздоров с храмовниками), но с черным крестом (вместо тамплиерского красного креста) на левом плече (а если быть точнее, то – напротив сердца).

Папы римские обосновали свое решение тем, что различие нашитых на общих для обоих орденов белых плащах эмблем (красного креста у тамплиеров и черного креста у «тевтонов») не позволяет путать ордены друг с другом. Вероятно, первоначально рыцари-монахи обоих орденов носили белые плащи без каких бы то ни было эмблем. Косвенным свидетельством этого является следующий подтвержденный сохранившимися иллюстрациями факт: знамя Тевтонского ордена первоначально представляло собой простое белое полотнище без каких бы то ни было изображений – в знак чистоты помыслов и целомудрия членов ордена.

Конфигурация «тевтонского» креста на протяжении многовековой истории Немецкого ордена неоднократно видоизменялась, пока не приняла характерную «лапчатую» форму с расширяющимися концами, опять-таки подобно кресту храмовников-тамплиеров. Эти расширения, дарованные папой тамплиерам, отличившимся при взятии сарацинской крепости Аскалона, на концы их орденского креста, символизировали «иерихонские трубы» (в знак того, что перед доблестью Христовых рыцарей не устояли стены Аскалона, как не устояли стены ветхозаветного Иерихона при звуках труб воинства библейского пророка и одного из «семи мужей славы» Иисуса Навина).

К 1220 г. Тевтонский орден уже имел двенадцать комтурств (комтурий, командорств) в Палестине, Греции, на юге Италии и в Германии (первое «тевтонское» комтурство на немецкой земле было учреждено в городе Галле). Однако в самой Святой Земле все наиболее важные крепости и земли уже находились в руках учрежденных прежде орденов тамплиеров-храмовников и госпитальеров-иоаннитов. Поэтому Тевтонский орден оставался сравнительно бедным и небольшим.

Первоначально орден Пресвятой Девы Марии Тевтонской сконцентрировал свои основные силы в княжестве Антиохийском и графстве Триполийском. Однако после гибели большинства «братьев-рыцарей» и самого Верховного магистра от рук сарацинов в ходе военной кампании 1216 г. штаб-квартира «тевтонов» была перенесена в крепость Монфор (Штаркенберг), а затем – в Аккон. Принадлежавшая Тевтонскому ордену Немецкая (Аллеманская) башня (лат.: Туррис Аламанорум, *Turris Alamanorum*) считалась самым мощным оборонительным сооружением Аккона, превосходя в фортификационном отношении даже тамошний укрепленный «Храм» тамплиеров (по их собственному признанию и к их величайшей досаде). Орден Пресвятой Девы Марии участвовал во всех крупных военных операциях крестоносцев XIII в. Однако «тевтонам» так и не удалось стать влиятельной военно-политической силой в Святой Земле (что, впрочем, уберегло их от участия в тамошних политических интригах, повлекших за собой катастрофические последствия).

Четвертый по счету Верховный магистр (Гохмейстер) Тевтонского ордена, брат Герман фон Зальца, сыграл решающую роль в его развитии. Он был доверенным лицом, советником и другом римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена, буквально осыпавшего его самого и находившийся под его руководством орден всяческими милостями и привилегиями. Герман фон Зальца неустанно расширял орденские владения. Получив в Акконе, ставшем, после утраты Иерусалима, столицей Иерусалимского королевства, в свое распоряжение башню близ ворот святого Иакова, Герман фон Зальца превратил её в центральную резиденцию Тевтонского ордена. Чуть позднее он построил на территории земельного участка, купленного в 1219 г. для Тевтонского ордена герцогом Австрийским Леопольдом VI, орденский дом (конвент), госпиталь и храм.

Правда, папа римский Григорий IX (1227-1241 гг.), вступивший в конфликт с императором Фридрихом II, в 1229 г. повелел Патриарху Иерусалимскому, в соответствии с указом папы Целестина II, восстановить контроль ордена святого Иоанна Иерусалимского над Тевтонским орденом, но ни это, ни повторное повеление того же папы в 1241 г. не привело к подчинению «тевтонов» иоаннитам. Жребий был уже, как говорится, брошен. Тевтонский орден остался самостоятельной организацией. Не избежал он также трений с «бедными соратниками Христа и Храма Соломонова». Тамплиеры оспаривали право тевтонских рыцарей носить белые плащи, считая это исключительной привилегией «рыцарей Храма». Лишь после вмешательства римских пап Гонория III (1216-1227) в 1220 г. и Григория IX в 1230 г. тамплиеры окончательно смирились и прекратили вступать в конфликты с тевтонскими рыцарями.

Подобно членству в духовно-рыцарских орденах Испании и Португалии, членство в Тевтонском ордене ограничивалось (в большинстве случаев) пределами одной нации (хотя первоначально он нередко принимал в свои ряды французских рыцарей). Однако со временем орден Приснодевы Марии сумел вовлечь в свою орбиту множество стран и народов и осуществлять во многих странах творческую миссию распространения германской культуры.

5. Об Уставе Тевтонского ордена

Устав Тевтонского ордена был, скорее всего, окончательно сформулирован в первой половине XIII в. (старейший из его сохранившихся манускриптов датируется 1264 г. Он в значительной степени базировался на Уставах Орденов страноприимцев-иоаннитов и тамплиеров-храмовников, с необходимыми изменениями и дополнениями. Термином «Устав» («Статуты») мы ныне обозначаем комплекс уставных правил, которым должны были следовать братья Тевтонского ордена. Сами же они обычно именовали свой Устав «Орденской книгой», или «Книгой Ордена» (Орденсбух).

«Орденская книга» содержала полный список Правил (Regule, Regule), законов (Gesetze, Gesezte) и Обычаев (Gewohnheiten, Гевонхайтен) Тевтонского Ордена. Список был разделен на три части, каждая из которых озаглавлена, в соответствии со средневековой традицией: «Nie hebet sich an die capitula vn (d) das registrum der regule der brudere des duetschen ordens des spitales sante marien» = «Здесь начинаются главы и реестр правил братьев Немецкого (Тевтонского) Ордена страноприимного Дома святой Марии» (заголовок раздела «Правила»); «Nie hebet sich an das registrum der gesetze» = «Здесь начинается реестр законов... (заголовок раздела «Законы»); «Nie hebet sich an das registrum von den gewonheiten» = «Здесь начинается реестр обычаев» (заголовок раздела «Обычаи»).

Изначально «Орденская книга» включала тридцать девять правил, семьдесят законов и шестьдесят четыре обычая. Она регулировала все аспекты жизни тевтонских рыцарей в мирное и военное время, определяя, в качестве основных принципов целомудрие, послушание и несотяжание, и описывая основные правила основания страноприимных домов, заботы о больных и стариках, порядок молитв и богослужений, приема пищи и постов, молчания, особыми правилами оговаривается, когда и где «братьям» ордена надлежит спать, каким образом допускать до хозяйственных работ женщин и т.д. Большое внимание уделяется внешнему виду, одежде и вооружению «братьев», правилам общежития, уважительному отношению к магистру и т.д.

Текст на последней странице начинался с орденского календаря, включающего все христианские церковные праздники, дни памяти святых и мучеников, вигилии (ночные молитвы) и коленопреклоненные молитвы.

Языком оригинала Устава Тевтонского ордена, вероятнее всего, был латинский (поскольку Устав должен был получить одобрение папы римского), однако большинство списков с оригинального устава представляют собой перевод с латыни на немецкий, поскольку большинство «братьев» ордена Девы Марии латынью не владело. Сохранившиеся рукописные немецкоязычные варианты «Орденской книги» написаны на различных диалектах (единный немецкий литературный язык ко времени написания переводов с исконного латинского текста Устава еще не сложился), поскольку каждая комтурия (комтурство, командорство) должна была иметь свою копию «Орденской книги». Сами тевтонские рыцари рассматривали Устав в том виде, в каком он был зафиксирован в рукописи 1264 г., как вечный и неизменный. Поэтому все новые правила и законы, принятые при последующих Верховных магистрах, никогда не включались в текст самого Устава, а лишь присовокуплялись к нему в виде приложений или дополнений. Естественно, по мере увеличения числа рукописных копий, в них стало вкрадываться все больше различий и неточностей, (связанных не только с языковыми и диалектными различиями, но и с небрежностью переписчиков-копиистов), не говоря уже о связанных с местными особенностями дополнениях. Поэтому в 1442 г. Капитул Тевтонского ордена принял решение о проведении генеральной ревизии «Орденской книги» и об изготовлении, на основе подвергнутого ревизии текста, трех «образцовых» копий, предназначенных к хранению: одна – в Мариенбурге (резиденции Верховного магистра), другая – в Горнэке (тогдашней резиденции дейчмейстера – магистра орденских владений, расположенных на территории Германии),

третья – в Риге (резиденции ливонского ландмейстера, или провинциального магистра, Тевтонского ордена). Все последующие копии дозволялось делать только с одной из этих трех образцовых копий. Так в 1442 г. немецкая версия была официально объявлена единственной имеющей силу версией Устава тевтонских рыцарей.

Рукописных вариантов Устава Тевтонского ордена до нашего времени дошло очень немного. В 1890 г. немецкий исследователь Макс Перль-бах насчитал тридцать четыре манускрипта, датируемых XIII-XV вв., из них двадцать четыре были написаны на немецком, пять – на латинском, четыре – на голландском и один – на французском языке. Самым древним из них был датируемый 1264 г. манускрипт, написанный на средневерхненемецком языке и хранившийся в Берлине. Все эти рукописи хранились в Германии или Австрии. В результате Второй Мировой войны это число уменьшилось на восемь манускриптов (шесть из которых хранились в Кенигсберге, а два – в Берлине; оба города, как известно, сильно пострадали в ходе боев за них между германскими и советскими войсками). Еще один манускрипт Устава Тевтонского ордена, написанный немецким курсивом и датируемый XV в., после Второй Мировой войны оказался в отделе редких книг библиотеки Пенсильванского университета (США).

6. Царство, разделившееся в себе, может ли устоять?

Заимствования из тамплиерского устава, добавленные к первоначальным иоаннитским статутам, а в особенности – заимствование белого плаща с крестом «тамплиерской» формы постоянно приводили Тевтонский орден к конфликтам с храмовниками. История этих постоянных конфликтов между двумя военно-монашескими орденами, принимавших нередко весьма кровопролитные формы, полностью опровергает абсурдные бредни об их идентичности (к примеру, в популярном историческом романе А. К. Югова «Ратоборцы» при описании рыцарского войска венгерского короля Белы, наступающего на рать князя Даниила Галицкого подчеркивается: «Развевались на ветру огромные белые мантии тевтонов-храмовников») или о тевтонских рыцарях как о некоем «орудии» тамплиеров. В действительности храмовники всеми силами сопротивлялись любым нововведениям своих новоиспеченных соперников. Да это и понятно.

Ведь если рыцари разных орденов оказывались трудно отличимыми друг от друга в сражениях из-за сходства их «униформы», то не исключен был вариант, что, скажем, «тевтоны» (чей черный крест на белом плаще в схватке вполне мог сойти за темно-красный тамплиерский крест сходной формы) теоретически могли приписать себе славу и успех тамплиеров и соответственно претендовать на большую долю военной добычи, чем они того заслуживали. К тому же сохранилось немало изображений тамплиеров с крестами не «уставного» красного, а «тевтонского» черного цвета на облачении, вооружении и прапорах. Не случайно даже такой знаток Средневековья, как любимый всеми нами сэр Вальтер Скотт в своем романе «Айвенго», при описании пира у благородного сакса Седрика Ротервудского с участием командора (или, как сказали бы «мариане» – комтура) ордена Храма Бриана де Буагильбера, облачил последнего в белую мантию, украшенную крестом его ордена, вырезанным из черного (а не красного, как следовало бы по Уставу тамплиеров) бархата (кстати, запрещенного, наряду с другими дорогими тканями, к употреблению храмовниками их орденским Уставом). Впрочем, несколькими страницами ранее уважаемый автор нарядил того же самого свирепого храмовника в красный плащ с белым суконным крестом на плече, как госпитальера-иоаннита. Но это так, к слову...

Тамплиеры не раз жаловались папе римскому на немецких рыцарей за то, что те переняли не только храмовнический устав, но и белый плащ «бедных рыцарей Христа и Соломонова Храма». Папа римский Иннокентий III, их известный покровитель и друг тамплиеров, даже запретил «тевтонам» на какое-то время ношение белого «тамплиерского» плаща, но, впрочем, оставил окончательное решение за «латинским» (римско-католическим) Патриархом Иерусалимским. Патриарх попытался осуществить своего рода компромисс – он дозволил «тевтонам» сохранить белый цвет их плаща, но повелел им шить плащи не из льняной, как у тамплиеров, а из любой другой ткани. Однако храмовники еще долго не могли примириться с нисколько не удовлетворившим их решением римского понтифика.

Десятилетия спустя очередному римскому понтифику – папе Григорию IX – не раз приходилось призывать тамплиеров не придирайтесь к «тевтонам» из-за копирования теми их орденского одеяния. В итоге храмовникам так не удалось добиться своего. Рыцари Немецкого ордена сохранили за собой право носить белый плащ с черным крестом – так называемый «господский плащ» («герренмантиль», нем.: *Herrenmantel*). Его и по сей день носят священники (клирики) и «почетные рыцари» («рыцари чести», «эренриттеры», *Ehrenritter*) современного Тевтонского ордена. Однако постоянные конфликты между тевтонскими рыцарями и храмовниками возникали не только из-за сходства в облачениях, но и в области большой политики.

В палестинский период истории своего ордена «немецкие господа» в борьбе между папами и кесарями «Священной Римской империи» поддерживали императоров из дома

Гогенштауфенов, а тамплиеры – папских сторонников, «гвельфов». Когда анафематствованный папой римским император Фридрих II прибыл в Палестину, Верховный магистр «тевтонов» брат Герман фон Зальца стал его главным советником, а «Немецкий орден» – его главной опорой (на этом эпизоде истории Крестовых походов мы подробнее остановимся ниже). Храмовники же избегали отлученного от церкви императора и строили против него всяческие козни. В результате Фридрих II после возвращения Иерусалима христианам отказался вернуть тамплиерам замок их Великого магистра, что привело храмовников в еще большую ярость. После поражения Гогенштауфенов в Италии тамплиеры воспользовались этим поводом для реванша. Начиная с 1241 г., они развязали против «немецких господ» форменную войну. «Тевтоны» эту войну проиграли и лишились почти всех своих владений в Святой земле. Вражда между обоими духовно-рыцарскими орденами, тянувшаяся через всю историю христианских владений в Святой Земле, имела поистине роковые последствия для развития событий в Палестине, тем более что и с орденом иоаннитов у храмовников сложились далеко не братские отношения, крайне обострившиеся с момента, когда эти ордены благодаря полученным привилегиям достигли власти и богатства. В ходе многочисленных распрей ордены оказывались по разные стороны «баррикад», разделявших противоборствующие партии, вследствие чего по сути дела незначительные конфликты из-за поляризации орденов обострялись, ослабляя обороноспособность Иерусалимского королевства.

В 1179 г. папе римскому Александру III удалось добиться заключения мира между враждовавшими орденами, как если бы речь шла о примирении между двумя враждебными государствами. В 1242 г. храмовники осадили странноприимцев-госпитальеров в замке ордена святого Иоанна в Акконе и даже не позволили иоаннитам похоронить своих убитых. Через несколько лет тамплиеры снова напали на иоаннитов в Акконе, но были истреблены почти поголовно в схватках на улицах города. Надо думать, что иоанниты и тевтонские рыцари во время последующего процесса над тамплиерами во Франции (1307-1314) не видели особых причин брать под защиту своих бывших противников, сравнительно недавно силой оружия изгнавших их из замков и городов Палестины. Позднее мы еще коснемся этого вопроса несколько подробнее, пока же заметим только, что межорденские распри, несомненно, значительно ускорили конец Иерусалимского королевства «латинян».

Тем не менее, скажем, старший брат Гохмейстера Тевтонского ордена Лютера Брауншвейгского был рыцарем ордена тамплиеров, а средний – рыцарем ордена иоаннитов.

Папой римским Тевтонскому братству была дарована так называемая «экземция», вследствие чего оно было, в рамках церковной иерархии, выведено из какого бы то ни было подчинения местному епископату и Патриарху Иерусалимскому и подчинено непосредственно папскому престолу. Именно с этого момента оно превратилось в настоящий военно-монашеский орден. Это особое положение сохранилось и по сей день и имеет огромное значение для современной деятельности Тевтонского ордена.

Кстати, из всех орденов, возникших в эпоху Крестовых походов и ни разу не прерывавших с тех пор своего существования, доньше сохранились только орден Святого Иоанна Иерусалимского и Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии. Подобное «долголетие», вероятнее всего, объясняется тем, что оба этих ордена возникли именно как странноприимные братства и лишь позднее, в силу суровой реальности существования на границе враждебного как «латинянам», так и «грекам» (православным) мира воинственного ислама, вынуждены были взять на себя и военные функции.

По мере отпадения необходимости в вооруженной борьбе с неверными, которую, кстати, необходимо рассматривать как актуальную и совершенно нормальную для того времени форму служения идее сохранения и распространения христианской веры и правильно понять которую можно лишь с учетом духа той далекой эпохи классического религиозного сознания, ни в коей мере не пытаясь давать оценку тогдашним событиям с точки зрения современности, оба

ордена смогли быть реформированы, а по сути – вернуться к выполнению своих первоначальных задач, связанных с делами христианского милосердия и служения ближнему. Блаженный Жерар (Герард), первый предводитель («ректор») госпитальеров, был абсолютно прав, предсказав своему ордену долгую и славную будущность:

«Братство наше пребудет вечно, ибо почвой, на которой оно произрастает, являются страдания мира сего и, если будет на то воля Божия, всегда найдутся люди, работающие над тем, чтобы уменьшить эти страдания и облегчить их бремя своим ближним».

Это пророчество блаженного Жерара в отношении ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского полностью оправдалось и в отношении Тевтонского ордена Приснодевы Марии, история которого со всей очевидностью свидетельствует о том, что он всегда, с какими бы неблагоприятными обстоятельствами ему не приходилось сталкиваться, находил в себе силы для проведения внутренних реформ и тем самым – для дальнейшего поддержания своего существования.

7. Тевтонские рыцари и Крестовый поход Фридриха Гогенштауфена (1228—1229)

Наряду с кайзером (или, по-гречески, кайсаром) Фридрихом I Барбароссой, его внучатый племянник Фридрих II (1212-1250), основатель Неаполитанского университета (1224), был самым известным римско-германским императором из швабской династии Гогенштауфенов (Штауфенов), память о котором, расцвеченная многочисленными легендами, сохранилась в памяти потомков на протяжении многих веков. Он был достойным представителем своего дома, правившего «Священной Римской империей германской нации» в период с 1138 по 1254 гг. Римско-германские императоры из династии Штауфенов стремились к восстановлению между собой и римско-католической Церковью тех же отношений «симфонии» что существовали между императором (василевсом) и греко-кафолической Церковью в Восточной, православной Римской («Ромейской») империи (Византии). В борьбе с Гогенштауфенами римские папы, сплотив вокруг себя богатые средиземноморские города и поощряя ростовщичество (строго запрещенное христианами церковными канонами!), создали антиимперскую Лигу ломбардских городов (от ломбардских ростовщиков, между прочим, происходит слово «ломбард») и организовали восстание против Фридриха I Барбароссы (фактически – первую в истории буржуазную революцию, ведь слово «буржуа», или «бюргеры», означает нечто иное, как «горожане»).

Сказания о Фридрихе II Гогенштауфене веками жили среди потомков его итальянских и немецких подданных, не уступая в популярности легендам о короле Артуре и рыцарях святого Грааля. После ранней смерти отца Фридриха, его мать Констанция осталась единственной наследницей норманно-сицилийского королевства. Фридрих был воспитан под опекой римского папы вдали от Германии, в городе Палермо на Сицилии, где было все еще очень сильно влияние мусульман и Византии. Из всех средневековых правителей «Священной Римской империи германской нации» император Фридрих II Гогенштауфен был, пожалуй, самым образованным. Он свободно говорил и писал (в том числе стихи и поэмы) на латинском, арабском, греческом и древнееврейском языках, мог объясняться по-французски, провансальски, итальянски и немецки, был автором трактата о соколиной охоте и обладал весьма обширными познаниями в области естественных наук.

Папский престол обвинял Фридриха, стремившегося включить в состав своей империи не только христианские, но и мусульманские народы, во враждебности христианству, колдовстве и чернокнижии. В действительности же этот государь, покровитель искусств и наук, стремился к восстановлению изначального канонического устройства христианской Церкви, возвращению ее к выборности епископов и соборному устройству и, хотя продолжал исповедовать римско-католическую догматику (в частности, введенное папами римскими на «латинском» Западе, под давлением Карла Великого, лжеучение об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына – пресловутое «филиокве»), все активнее стремился к диалогу с Восточной – греко-католической (а если быть точнее, то греко-кафолической), или Православной – церковью.

Подобно жизни других императоров из дома Гогенштауфенов, вся жизнь Фридриха II была омрачена конфликтами с папским Римом. Еще во время своей коронации германским королем в Ахене в 1212 г. Фридрих дал обет принять участие в Крестовом походе. В период между 1219 и 1229 гг. обетованный поход в Святую Землю дважды откладывался им на более поздний срок. И все три раза срок выступления Фридриха в поход продлевался (анти) папой Гонорием III.

По Сан-Джерманскому договору 1225 г. Фридрих снова обязался выступить в Крестовый поход не позднее, чем через два года. Но это была уже последняя попытка. В случае нарушения данного обета императору грозило отлучение от Церкви. Когда Григорий IX в 1237 г. возшел на папский трон, он менее чем через месяц после своей интронизации призвал Фридриха выполнить, наконец, свое обещание. Хотя тысячи других крестоносцев, собравшиеся в августе того же года в южно-итальянском порту Брундиизиуме (Бриндизи), не смогли переправиться морем в Святую Землю вследствие вспыхнувшей среди них эпидемии, император Фридрих, тем не менее, вышел в море. Однако в пути он также тяжело заболел и был вынужден снова сойти на берег в Отранто. Папа счел его болезнь притворством и по прошествии месяца отлучил Фридриха II (которого, за терпимость к магометанам, именовал не иначе, как «сицилийским султаном»), от Церкви (правда, не только за задержку с отправлением в Крестовый поход, но и за враждебность к основанной крестоносцами в завоеванном ими в 1204 г. отнятом у греков-византийцев Константинополе Латинской империи и за дружественные отношения с враждебным этой империи, правившим в Никее Иоанном Ватаци, объявившим себя наследником православных византийских императоров-василевсов). Тем самым ему было запрещено участвовать (до снятия отлучения) в Крестовых походах.

Невзирая на папское отлучение, римско-германский император весной 1228 г. направил своего маршала в сопровождении пятисот рыцарей в Палестину. В конце июня за ними последовал сам император во главе трехсот рыцарей (каждого рыцаря, за исключением самых бедных, «одноштных», сопровождало – в зависимости от его благосостояния – некоторое число вооруженной и невооруженной челяди – оруженосцев, лучников, пеших ратников, конных или пеших слуг, пажей и т.д.). Незадолго до высадки в Акконе, Фридрих II получил известие, что папа повторно отлучил его от Церкви, ибо он отправился в Крестовый поход, не дожидаясь снятия с него предыдущего отлучения.

Один из самых выдающихся вассалов этого величайшего монарха из дома Гогенштауфенов – Томмазо (Фома) I ди Аквино, граф Ачерра, будучи императорским наместником в Сирии, фактически проложил Фридриху путь в Страну Обетованную, сопровождал императора в его первом походе в Германию, затем был послан особым уполномоченным на Сицилию, а позже вел от имени «сицилийского султана» переговоры с папой римским. Впоследствии Томмазо II из Аквино (Аквинат), другой наместник Фридриха (и его зять), погиб вместе с последним Гогенштауфеном – Конрадином – в борьбе с французами Карла Анжуйского за Сицилию. Любопытно, что ближайший родственник двух этих лангобардских сторонников императора («гибеллинов») – виднейший римско-католический богослов Томас (Фома) Аквинский, автор «Суммы богословия» (лат.: *Summa Theologiae*), неустанный проповедник идей древнегреческого «царя философов» Аристотеля, прозванный «ангелическим доктором», пошел явно «не в родню», поставив все свои силы и таланты на службу партии «гвельфов» – сторонников духовной и светской власти римских пап. Но это так, к слову...

Из-за небольшой численности имевшихся у Фридриха II войск его военное положение в Земле Обетованной представлялось чрезвычайно неблагоприятным. Две сарацинские армии, значительно превосходящих военные силы римско-германского императора по численности, стояли наготове для уничтожения его войска. Надежд на приход значительных подкреплений из Европы, ввиду папского отлучения, питать не приходилось. Но Фридрих Гогенштауфен проявил всегда присущие ему качества незаурядного дипломата. В своем письме султану Египта аль-Камилю «сицилийский султан» подчеркивал следующее:

«Мы переплыли море не с намерением завоевать Вашу страну, ибо в Нашем владении и без того находится больше земель, чем у какого-либо иного властителя в мире, а для того, чтобы, согласно договору, принять под Наше покровительство Святую Землю. Христиане не беспокоят Вас, и Вам не придется проливать кровь Ваших подданных в войне против Нас».

Вся «франкская» (римско-католическая) знать Святой Земли была настроена против римско-германского императора. Ведь он находился под церковным отлучением, и никто не хотел иметь с ним дела – ни Патриарх Иерусалимский, ни кто-либо из духовенства, ни местные бароны, ни (не в последнюю очередь!) рыцарские ордены – за исключением Тевтонского. Тевтонский орден и его Верховный магистр Герман фон Зальца неизменно сохраняли Фридриху II верность.

Магистр «тевтонов» брат Герман оказывал императору немалые услуги не только на поле брани, но и в качестве советника и дипломата, в частности, выступая в качестве поистине незаменимого посредника в контактах между императором и римской курией (как глава военномонашеского ордена католической церкви, он формально подчинялся непосредственно римскому папе). Когда договор с султаном Египта был, после длительных переговоров, наконец, подписан, Герман фон Зальца в письме папе римскому, с которым был связан не менее тесно, чем с римско-германским императором Фридрихом, подчеркивал:

«Пока шла усердная работа над договором, султан и Государь Император, непрерывно обмениваясь посланцами, вели переговоры о заключении мирного соглашения. При этом султан Каирский, в сопровождении своего брата и бесчисленного войска, расположился лагерем в Газе, на расстоянии одного дня пути от нас, в то время как султан Дамаска также во главе неисчислимого войска, стоял на расстоянии одного дня пути от нас под Сихемом. Когда же начались переговоры о возврате нам Святой Земли, Господь Иисус Христос в Своей неизреченной благодати дал делу такой ход, что султан уступил Иерусалим с прилегающей округой Государю Императору и христианам; лишь монастырь под названием Храм Господа (резиденция ордена храмовников в иерусалимском «Храме Соломоновом», т.е. в стоящей на месте этого храма мечети Аль-Акса – В.А.) остался под охраной сарацинской стражи, поскольку сарадины давно уже молятся там; однако туда будут иметь свободный доступ как они, так и христиане, чтобы молиться там, каждый согласно своему закону. Кроме того, сарадины уступили нам урочище Святого Георгия и урочища по обе стороны дороги на Иерусалим, равно как и Вифлеем со всей округой и область между Акконом и Назаретом. И еще султан уступил нам крепость Тир со всем, что к ней относится, с урочищами и земельными владениями; город Сидон, со всей прилегающей к нему низменностью и всеми землями, принадлежавшими ранее, во времена мира, христианам. По договору христиане также получили право восстановить стены и оборонительные башни Иерусалима, а также крепости Яффу, Кесарию и наш новый замок Монфор (Штаркенберг, резиденцию Тевтонского ордена в Святой Земле – В.А.), строительство которого было начато нами в горах в текущем году. Нам представляется вероятным, что, если бы Император переплыл море, будучи в согласии с Римской Церковью, это принесло бы еще большую пользу Святой Земле. Согласно мирному договору, заключенному, сроком на десять лет, между султаном и Императором, ему и его людям не дозволяется возводить новые крепости и иные постройки. Кроме того, обе стороны обменялись всеми пленными, оставшимися не обмененными при оставлении Дамьетты и взятыми в ходе недавних боев. Теперь Император намеревается совершить со всем своим народом восхождение в Иерусалим, чтобы, как ему советуют разные люди, носить там венец во славу Царя всех Царей и с должным рвением посвятить себя восстановлению града Иерусалима».

Договор был не только блестящим образцом дипломатического искусства, но и образцовым примером взаимной терпимости между двумя религиями, ибо признавал, что Иерусалим является для магометан такой же святыней, как и для христиан. Мусульмане почитали этот город местом, откуда их пророк Магомет вознесся на небо.

Так император Фридрих II Гогенштауфен при помощи Гохмейстера Тевтонского ордена Приснодевы Марии безо всякого кровопролития вернул все, что стоило христианству и жителям Палестины стольких крови и страданий. Но даже теперь никто из «латинян» не предложил папе римскому снять с императора церковное отлучение. Напротив, Патриарх Иерусалим-

ский пригрозил, что отлучит от Церкви всякого жителя Святого Града, оказавшего какую-либо услугу императору в его стенах. Поэтому духовно-рыцарские ордены (кроме Тевтонского) и теперь не пожелали иметь ничего общего с отлученным от церкви императором. Впрочем, у них было для этого немало различных причин.

Во-первых, император Фридрих II был отлучен папой римским от Церкви; во-вторых, император не распространил действие своего договора с султаном на северные области Сирии и расположенные там город Триполи, иоаннитские крепости Крак де Шевалье и Маргат, тамплиерские крепости Шастель Блан и Тортозу, на Антиохию, а также на столь важные города Иерусалимского королевства, как Аскалон, Наблус, Тивериаду и не менее важные замки иоаннитов и тамплиеров, завоеванные султаном Египта и Сирии Саладином. Кроме того, тамплиеры были настроены против Фридриха II и заключенного последним с султаном договора еще и потому, что им не удалось заполучить обратно старинную резиденцию Великих магистров их ордена – Храмовый квартал в Иерусалиме с «Храмом Соломоновым».

17 марта 1229 г. Фридрих II Гогенштауфен, в сопровождении тевтонских рыцарей во главе с Верховным магистром ордена Приснодевы Марии братом Германом фон Зальца, совершил свой торжественный въезд в Святой Град, встреченный ликованием всех «латинян», прибывших вместе с ним. Вне себя от радости были, прежде всего, немцы. Император поселился в Доме (Госпитале) иоаннитов, чтобы на следующий день возложить на себя корону королей Иерусалима в Храме Живоносного Гроба Господня. Фридрих II обосновывал свои права на иерусалимскую корону женитьбой на Иоланде де Бриенн, юной дочери Иерусалимского короля-неудачника Жана де Бриенна, принесшей ему титул короля Иерусалимского в качестве «приданого». Правда, Иоланда умерла еще в 1228 г., после чего Иерусалимское королевство по наследству перешло к малолетнему сыну Иоланды и Фридриха, Конраду. Однако Фридрих Гогенштауфен объявил себя его опекуном и заявил о своем намерении править Иерусалимским королевством за своего сына до совершеннолетия последнего.

На церемонию коронации Фридрих II явился в сопровождении верных ему архиепископов Палермо и Капуи. Однако они не могли венчать его на царство, ибо, согласно чину Священного коронования, принятому в Святой Земле, церемонию коронации должен был провести лично Патриарх Иерусалимский или же его делегат. Между тем, Патриарх отклонил императорское приглашение. Поэтому вместо Патриарха мессу отслужил «брат-священник» Тевтонского ордена Приснодевы Марии. Император Фридрих сам взял в руки лежавшую на алтаре корону королей Иерусалимских и возложил ее на свою голову «в честь и во славу Предвечного Царя» (предвосхитив аналогичный поступок Наполеона I Бонапарта при короновании последнего императором французов).

При коронации Фридриха II королем Иерусалимским в 1229 г. рыцарям Тевтонского ордена была дарована почетная привилегия нести охрану Гроба Господня (дарованная ранее сепульхриерам, затем – госпитальерам-иоаннитам, а одно время – тамплиерам). Из-за своей безоговорочной поддержки своевольного императора из династии Штауфенов Тевтонский орден попал в сложную ситуацию. Впрочем, в 1230 г. папское отлучение с римско-германского императора было снято, а Патриарх Святого Града (пусть и задним числом) подтвердил его титул короля Иерусалимского.

Глубоко уязвленный враждебным отношением к нему иерусалимских знати и клира, Фридрих Гогенштауфен в скором времени опять отбыл в Аккон, а оттуда – через Кипр – в Италию, где наголову разгромил войска папских сторонников-гвельфов. В борьбе с противниками своей власти Фридрих действовал не менее безжалостно, чем его древнеримские предшественники. Всякое непокорство он воспринимал, как нарушение своих священных прав, и немедленно вводил в действие свою беспощадную сарацинскую гвардию. До нас дошел один из приказов, отданный императором Фридрихом II начальнику этой гвардии, направленной им против мятежного итальянского города Гаэты:

«Доверяя вашей искренней и стойкой верности, на которую Мы при всех обстоятельствах считаем возможным положиться, сочли Мы за благо поручить вам ведение войны против Гаэты и отмщение как городу, так и его жителям, изменившим Нам. Повелеваем вам, под страхом лишения вас Нашего благоволения, подступив к городу, прежде всего незамедлительно и со всей непреклонностью уничтожить все виноградники и плодовые сады. После чего надлежит вам, в целях приведения всей области к покорности, днем и ночью неукоснительно пребывать при метательных машинах, камнеметах и катапультах. По взятии города надлежит вам всех знатных горожан и лиц благородного звания, которых там найдете, ослепить, отрезать им носы и выгнать вон из города нагими. Женщинам же также отрезать носы для позора, после чего отпустить. Всех детей мужеского пола, которых там найдете, оскотить, после чего дозволить им остаться в городе. Вам также надлежит разрушить до основания городские стены, башни и дома, кроме церквей и домов священнослужителей, коим вы не должны причинять никакого вреда. Когда весть о каре распространится по миру, то да содрогнется каждый изменник в душе и да преисполнится страха».

После примирения императора Фридриха II с папой римским тот, по договору от 23 июня 1230 г., снял с «сицилийского султана» церковное отлучение. Патриарху Иерусалимскому было дано указание отменить все еще сохранявший силу интердикт (запрет на отправление церковных треб), наложенный на принявший Фридриха Святой Град. Папа римский Григорий IX также признал договор, заключенный между Фридрихом II и султаном аль-Камилем, призвал к себе противившихся римско-германскому императору Великих магистров иоаннитов и тамплиеров и дал им поручение всеми силами обеспечивать в Святой Земле спокойствие и порядок. Султан честно соблюдал условия мирного договора, однако оба рыцарских ордена не делали этого в областях, на которых действие этого договора не распространялось. Вследствие общего для тамплиеров и иоаннитов недоверия к императору Фридриху Гогенштауфену (основу армии которого составляли пять тысяч конных сарацинских наемников, поселенных им в апулийском городе Лучеро, где император-вольнодумец даже воздвиг для них мечети с минаретами, с которых муэдзины ежедневно призывали мусульман к молитве!), оба ордена, вопреки договору, сговорились о совместных военных действиях против сирийских и палестинских мусульман.

8. О воинстве Христовом

Середина XIII в. стала подлинным «началом конца» эпохи Крестовых походов, и связанный с ее начальным периодом крестоносный энтузиазм стали заметно ослабевать. Однако идеал крестоносца, идеал рыцаря Христова сохранял свою привлекательность еще на протяжении долгих столетий и даже по сей день находит свое отражение во многих традициях, которые живы и поныне. Поэтому стоит упомянуть хотя бы некоторые из этих традиций и ценностей, с которыми вот уже на протяжении более чем полутора тысячелетий, начиная со времен древнехристианских святых и мучеников, сказаний о рыцарях Круглого Стола и святого Грааля, а затем средневекового рыцарства и в особенности – военно-монашеских орденов, ассоциируется рыцарский идеал.

К числу идеалов христианского рыцарства относились, с одной стороны, вооруженная борьба за ускорение прихода Царства Божия (необходимой предпосылкой которого, как известно всякому христианину, является евангелизация всех стран и народов), за спасение душ закосневших в язычестве детей Адамовых от вечного адского пламени, освобождение и защита христианских святынь и, прежде всего – Святого Града Иерусалима, а с другой – защита слабых, убогих, женщин и детей. Но наверняка существовало и немало иных причин, по которым множество доблестных мужей в расцвете сил и красоты, отказавшись от стяжания земных богатств и радостей семейной жизни, вступали в подобные рыцарские братства или, по крайней мере, в индивидуальном порядке стремились достичь на практике рыцарских идеалов. Важнейшая причина, несомненно, заключалась в готовности тогдашних христианских воителей, не щадя своей жизни, обнажить меч во имя ускорения прихода Царства Божия.

Наиболее ярко эта готовность проявилась в ходе Крестовых походов, как в Святую землю, так и в языческие земли Центральной Европы с целью их христианизации. Тогдашние летописи, а самое главное – последующая история данных земель – однозначно свидетельствуют

о том, что большинство принимавших в те века крест рыцарей – вопреки усердно пропагандировавшемуся сперва властями дум «века Просвещения», затем – либеральными историками прошлого века и, само собой разумеется, такими лютыми ненавистниками Веры Христовой, как советские (и не советские) марксисты, изображающие крестоносцев не иначе как скопищем лицемерных садистов и грабителей! – превыше всего ценило любовь к Богу и к ближнему своему и далеко не всегда спешило браться за меч. Но как не взяться, если язычники жарят живьем на медленном огне проповедующего им Благоую Весть мирного миссионера и тем самым отдалают день пришествия Царствия Божия! А свои души и души своих детей и сородичей обрекают на вечные адские муки! Могла ли смириться с этим душа тогдашнего глубоко верующего христианина! Подчеркнем – тогдашнего, а не теперешнего, который порой бывает, по слову Евангельскому, «не холоден и не горяч, а только тепел»...

Как бы то ни было, многочисленные и подробные письменные документальные свидетельства говорят о преимущественно мирном освоении крестоносцами земель, до их прихода по большей части непригодных для проживания человека или, в лучшем случае, малонаселенных. Рыцари строили больницы, сиротские и странноприимные дома и богадельни, церкви и монастыри, основывали города и села, осушали болота и вводили земледелие среди диких языческих племен, живших дотолем лишь охотой, рыбной ловлей, собирательством и бортничеством (сбором меда диких пчел), не знавших вкуса печеного хлеба и влачивших свое довольно жалкое существование под постоянной угрозой голода ввиду недостатка съестных припасов, для обеспечения которыми необходимо развитое сельское хозяйство. Таким образом рыцари, ордены, и в том числе – рыцарские ордены – способствовали распространению христианства, несли мир в земли, столетиями – чуть ли не со времен Великого переселения народов! – раздираемые кровавыми межплеменными междоусобицами, и культивировали огромные терри-

тории, превращая их из «медвежьих углов», чреватых постоянной смертельной угрозой для мирных христианских соседей, в часть цивилизованного мира.

Спору нет, христианская цивилизация средневекового Запада имела – как, впрочем, и всякая цивилизация вообще, немало теневых сторон, подробно распространяться здесь о которых нет особой надобности. Но идеализация царивших среди язычников Пруссии и Литвы дофеодальных, варварских порядков с кровной местью, человеческими жертвоприношениями и поклонением демонам не к лицу даже атеистам – разумеется, если прогресс человеческой цивилизации имеет в их глазах какую-либо ценность. Ведь жмудины, литвины, ятвяги и пруссы вовсе не были какими-то кроткими агнцами, которых люто терзали свалившиеся им на голову ни за что не про что лютые крестоносные волки. Они жили набегами на своих христианских соседей. Убили миссионера Адальберта (Войцеха), причисленного папским престолом к лику святых и ставшего небесным покровителем Польши. Совместно с литовцами систематически разоряли сопредельные польские и русские земли. Конные прусские банды в несколько десятков всадников, стремительно, как волчьи стаи, спеша от одного селения к другому, опустошали усадьбы, убивали поселян, увозили имущество. Тем и жили. Позволительно спросить: кто же тут были агнцы, а кто – волки? Вторая причина, по которой осуществлялась вся эта неутомимая, разносторонняя деятельность под каждодневным девизом «ора эт лабора» (лат.: *ora et labora*, то есть «молись и трудись») была, по логике вещей, связана с достижением уже не только идеальных, но материальных целей, а именно – необходимости сохранения, расширения и финансирования орденского имущества, а также управления орденскими угодьями и владениями. Ведь, чтобы иметь возможность творить дела милосердия и благотворительности, надо обладать каким-то имуществом. Не имея ни гроша в кармане, нищему не подашь. Не имея хлеба в закромах, голодного не накормить. Не имея крыши над головой, странника не приютить. Чтобы рука дающего не оскудела, ему должно быть что давать и откуда брать.

Вне всякого сомнения, в Тевтонском ордене, как, впрочем, и во всех других орденах, имелись силы, для которых мирские помыслы, от предприимчивости и авантюризма до страсти к наживе, были важнее, чем вещи духовные. Поэтому существование орденов протекало под знаком постоянного дуализма, колеблясь между служением Богу и любовью к ближнему, с одной стороны, и принимавшим порой слишком мирской характер стремлением к приумножению имущества, славы и чести, а также к оказанию влияния на светских государей и князей Церкви, с другой. Наивысшие формы общежития той далекой эпохи возникли в результате соединения воедино дисциплины, силы и веры и реализовались в форме рыцарства, с одной стороны, и монашества – с другой. Логическим синтезом этих мощных групп или структур и являлись духовно-рыцарские

ордена.

9. Тевтонские рыцари в битве при Вальштатте

В кровавой битве при Вальштатте (Легнице или Лигнице) 9 апреля 1241 г. объединенное рыцарство римско-католической Европы скрестило копья и мечи с «несущими смерть Чингисхана сынами». В России об этом сражении мало наслышаны, хотя для истории Польши и Германии она имеет не меньшее значение, чем для русских людей – битва с монголами на Калке. В обоих случаях выигранные монгольскими туменами битвы проложили войскам Великого хана дорогу в служившие целью вторжения страны, оказавшиеся, в результате разгрома, почти что беззащитными (или, во всяком случае, обескровленными). Тот факт, что под Лигницей в сражении со степняками пали, наряду с польскими рыцарями и рыцарями со всей Европы (в том числе даже французами и англичанами), также рыцари Тевтонского ордена, тамплиеры и иоанниты, полностью развенчивает распространенный у нас миф, согласно которому «римско-католическая Европа» (а в особенности – орден тамплиеров) якобы только тем и была занята, что «натравливала татар на православную Русь». Наоборот, в польских и немецких летописях сохранились сведения об участии в монголо-татарском нашествии на Польшу русских воинских контингентов. Вообще-то говоря, в данном обстоятельстве не было ничего особенного, поскольку включение войск покоренных стран и народов в состав собственной армии на положении вспомогательных частей было обычной практикой монголо-татар со времен самого Чингисхана. Однако это не слишком-то совместимо с расхожими представлениями о том, что древнерусские княжества служили исключительно щитом «между монголов и Европы» (как сказано у Александра Блока в его знаменитом стихотворении «Скифы»).

Наголову разгромив в марте 1241 г. под Краковом войско короля Польши Болеслава V и разграбив королевскую столицу, двадцать тысяч степных батыров вторглись в польское княжество (герцогство) Силезию. Князь (герцог) Силезии Генрих Благочестивый выступил против монголов во главе сорокатысячного войска, состоявшего из польских и немецких рыцарей, поддержанных многочисленными рыцарями-добровольцами из разных стран Европы, а также воинскими контингентами военно-монашеских орденов иоаннитов, тамплиеров и тевтонских рыцарей ордена Пресвятой Девы Марии. Первоначально Генрих думал закрепиться на оборонительной позиции близ города Лигницы, чтобы дожидаться шедшего ему на помощь войска чешского (богемского) короля Венцеля (Вацлава или Венцеслава). Однако монголы, узнав о приближении чешского войска, первыми напали на силезскую армию, применив против Христовой Воинства даже «реактивную артиллерию» (боевые ракеты китайского производства, распространявшие при взрыве удушливый черный дым). Это был первый засвидетельствованный в истории случай применения на европейском поле сражения боевых отравляющих веществ. Как ни храбро сражались витязи князя Генриха (среди которых своей доблестью выделялись «тевтоны»), оно потерпело сокрушительный разгром. Сам князь сложил голову в битве, большинство его рыцарей и воинов пало в жестоком сражении, длившегося от рассвета до заката. В рядах павших в сражении членов Тевтонского ордена и ордена иоаннитов погибли и последние добринские рыцари («братья Христовы из Добрина»), вошедшие в состав обоих орденов, соответственно, в 1235 и в 1237 гг. К вечеру к палатке главного монгольского военачальника хана Хайду (Кайду), внука Великого хана Угедэя и правнука Чингисхана, привезли девять огромных мешков, наполненных окровавленными ушами, отрезанными торжествующими победителями у убитых христиан.

Впоследствии гибель членов ордена тамплиеров от стрел, сабель и копий монголо-татар под Лигницей сыграла немалую (а, возможно, и решающую роль) в срыве так называемого «Желтого Крестового похода» монгольского полководца-христианина Китбуги в союзе с хри-

стианскими Грузинским и Армяно-Киликийским царством, а также государств крестоносцев в Святой Земле против мамелюкского Египта. Развивавшийся поначалу весьма успешно для объединенной армии врагов египетских магометан поход был сорван нападением сирийских тамплиеров, ударивших в тыл монголам (чтобы отомстить за гибель членов ордена Храма при Вальнтатте). Но это было уже позже...

Узнав о разгроме и гибели в битве силезского герцога, чешский король не решился вступить в бой с победоносными монголами один на один, предпочтя отступить на северо-запад и присоединиться к армии, собиравшейся под знамена римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена. Казалось, путь степным батырам в Европу открыт...

Однако потери, понесенные монголо-татарами, были также весьма ощутимы, и потому они не решились преследовать уцелевших воинов герцога Генриха и продолжить наступление в глубь собственно Германии («Священной Римской империи»).

10. Что произошло на Чудском озере

В начале XIII в. Прибалтика до границ с Литвой (не считавшейся частью Прибалтики до конца Первой мировой войны) была подданной русских феодальных государств (западная ее часть платила дань Полоцкому княжеству, восточная – «Господину Великому Новгороду»).

В 1199 г. папа римский Иннокентий III назначил епископом Ливонии Альбрехта (Альберта) фон Буксгевдена (Бугсгевдена, нем.: Buxhoevede), который с помощью германского короля Филиппа Швабского и датского короля Кнуда VI Эстридсена высадился в 1200 г. на побережье реки (Западной) Двины (по-латышски: Даугавы, по-немецки: Дины, или, точнее, Дюны) и добился от вождей местных языческих племен предоставления земель, на которых он бы мог обосноваться. В следующем году епископ Альбрехт основал город Ригу и начал обращать в христианство местных жителей. Чтобы усилить воздействие на умы язычников «духовного меча» (который, по Евангелию, «есть Слово Божие») мечом железным, Альбрехт решил учредить военно-монашеский орден по образцу и подобию госпитальеров и храмовников, что и сделал в 1202 г. В 1204 г. папа римский, с подачи епископа Альбрехта, утвердил в правах орден рыцарей Христа, которые стали именоваться меченосцами (по красному изображению меча, нашитому на их белые плащи). О меченосцах (называвшихся по-латыни «гладиферами») будет подробнее рассказано далее, в отдельной, посвященной им главе нашей книги.

В 1209 г. ливонские «братья-меченосцы» сожгли расположенные на территории современной Латвии полоцкие крепости Куkenойс (Кукейнос, по-немецки: Кокенгаузен) на Западной Двине и Герцике (Ерсике, Ерсикю), но в 1210 г. подписали с Полоцким княжеством «вечный мир», согласившись выплачивать Полоцку «ливонскую дань» (выплату которой, однако, прекратили уже в 1212 г.). В том же 1209 г. ливонскими меченосцами после победы над язычниками-эстами был взят их город Отепя (по-немецки: Оденпе или Одемпе, по-русски: Медвежья Голова). Город и замок были сожжены меченосцами дотла, но вновь отстроены ими в 1215 г. С тех пор «медвежане» – воины из замка Медвежья Голова – не раз участвовали в военных столкновениях «ливонских немцев» с псковскими и новгородскими ратниками.

В то же время в южной Эстонии (Эстляндии) новгородские «вооруженные миссионеры» в 1209-1210 гг. крестили тамошних язычников в Православную веру. В 1212 г. южных эстов принудил к уплате дани сам новгородский князь Мстислав Мстиславич Удатный (то есть «Удачливый», хотя и называемый иногда неточно «Удалым»). Гладиферы наступали крепостями, строя их одну за другой – Венден (Вынну, Цесис, Кесь), Феллин (Вильянди) и т.д.

Восстав в 1217 г. против меченосцев, эсты обратились за помощью к русским (вероятно, в обмен на обещание креститься в Православную веру). В этом же году их союзное двадцатитысячное войско осадило крепость Оденпе, на помощь которой двинулся магистр (геермейстер) меченосцев Фольквин (Фолькевин, Волквин, Вольковин) во главе трехтысячного войска. Русскими войсками предводительствовали князь Владимир Полоцкий и посадник новгородский Твердислав. Меченосцы были разбиты в полевым сражении и укрылись за стенами Оденпе. Князь Владимир и посадник Твердислав взять Оденпе не смогли (вопреки ошибочным утверждениям некоторых историков), и отступили, вынудив меченосцев откупиться. Вообще следует заметить, что в описываемый период – за редким исключением – русским князьям никогда не удавалось захватить ни одного из осаждаемых ими в Ливонии замков. Обычно они отступали после непродолжительной осады (в лучшем случае – удовольствовавшись данью, взятой с осажденных).

В том же году в северную Эстонию вторглись датские крестоносцы.

В 1221 г. датский король Вальдемар II Победитель, установив морскую блокаду Риги, принудил епископа Альбрехта признать власть датской короны над Ливонией и Эстонией. В 1223 г. датский король позволил (уже своей властью) ордену меченосцев продолжить христиа-

низацию прибалтийских земель в восточном направлении, с тем, «чтобы они были верны ему», то есть Дании, и продолжали расширять датские владения к югу от Ревеля (по-русски: Колывани, по-эстонски: Таллинна=Таани-Линна, то есть «датского замка»).

В 1223 г. войско Великого князя Юрия Всеволодовича осадило Ревель, и датский король вернул права на Эстонию ордену меченосцев, получившему от римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена права на земли к востоку от Ливонии. Рыцарям ордена Меча, направляемым рижским епископом Альбрехтом фон Буксгевденом, удалось взять город Юрьев, обороняемый русским князем Вячеславом (Вячко) Борисовичем, и переименовать его в Дорпат (Дерпт, по-эстонски: Тарту).

В том же 1223 г. жители Оденпе отделились под власть Господина Великого Новгорода, отстроив городской замок заново (на этот раз из камня). В 1224 г. Новгород и Господин Псков (упорно не желавший признавать себя новгородским пригородом, или посадом) подписали с рижским епископом мир в обмен на выплату «юрьевской дани». В этом же году было учреждено Дерптское епископство. В конце 20-х гг. XIII в. Псков, объявив себя полностью независимым от Новгорода, уступил епископу и ордену меченосцев вассальные права на земли эстов, латгалов и ливов. Великий князь Ярослав Всеволодович, в четвертый раз приглашенный на княжение в Новгород (откуда его уже три раза изгоняли новгородские «вечники»!), подчинил Псков, но ряду псковских (и новгородских) бояр удалось бежать в епископские и орденские земли.

В 1233 г. меченосцы снова захватили Оденпе, превратив его в базу для набегов на псковские и новгородские земли.

В 1234 г. князь Ярослав Всеволодович выступил на Дерпт, сразился с вышедшим ему навстречу войском ордена Меча, порубил немало меченосцев, а часть загнал на тонкий лед реки Омовжи (по-немецки: Эмбах, по-эстонски: Эмайыге), не замедливший под теми проломиться – вот где, видимо, следует искать истоки легенды о «немцах, провалившихся под лед Чудского озера в 1242 г.», уже при сыне Ярослава – князе Александре) ! «И взял с ними мир по всей правде своей».

Князь Ярослав, а за ним – и княживший в Новгороде с 1238 г. сын Ярослава Александр, брал дань с Прибалтики, как ее истинный сюзерен. Между тем, «латинские» меченосцы и епископ Рижский (Ливонский) считали владельцами Прибалтики себя, а ее верховным сюзереном – римско-германского императора, поскольку, подобно древним римлянам и «восточным римлянам» – «ромеям»-византийцам, рассматривали в качестве владений «римского цесаря» весь «*orbis terrarum*» (лат.: «круг земной»), то есть, в принципе, ВСЕ МИР (по крайней мере, весь мир обитаемый, именуемый по-гречески «Ойкуменой», а по-латыни – «Экуменой»). В этом заключалась основная причина практически неразрешимого конфликта между ними и русскими княжествами.

В 1236 г. литовские язычники разбили объединенное войско ордена меченосцев и псковских православных крестоносцев в битве на реке Сауле (по мнению одних историков – близ нынешнего литовского города Шяуляй, по мнению других – на территории области племени земгалов, одной из провинций современной Латвии). В битве при Сауле погибли сорок восемь (или пятьдесят) «братьев-меченосцев» (включая их войскового магистра Фольквина), т.е. была уничтожена почти вся военная сила ордена. Из псковских православных крестоносцев после битвы с литовскими язычниками уцелел только каждый десятый. В российской историографии про поражение немецких рыцарей-монахов при Сауле вспоминать было не принято еще с царских времен, в силу того факта, что православные христиане-псковичи принимали участие в битве с литовцами на стороне побеждённых рыцарей-католиков, что совершенно не вписывается в господствовавшее долгое время официальное представление о «совместной борьбе русского народа и народов Прибалтики против феодальной шведско-немецко-датской католической агрессии».

А в изданной сравнительно недавно в серии «Живая история» книге Наталии Валентиновны Будур «Повседневная жизнь инквизиции в Средние века» (М., «Молодая гвардия», 2011, с. 41) дано следующее, совершенно искаженное описание битвы на Сауле:

«К счастью, соединенные силы литовских язычников и православных христиан разбили меченосцев в 1236 году под Саулисом (Шяуляем)».

Это называется «поставить все с ног на голову». Впрочем, бумага, как известно всем, и не такое стерпит...

В 1237 г. папа римский Григорий IX призвал шведов к Крестовому походу на финнов-тавастов, все еще коснеющих в язычестве (хотя с русской стороны их уже начали обращать в греко-кафолическую веру, иначе говоря – в Православие). На всякий случай юный князь Александр Ярославич выставил сторожу (стражу) на реке Неве. Ведь, заняв устье Невы, шведские крестоносцы могли бы отрезать Русь от Финляндии (Тавасталанда) и Прибалтики (входили ли подобные действия в их реальные планы – это другой вопрос).

К 1238 г. Тевтонский орден завершил покорение восточного побережья Балтийского моря (от устья Вислы до устья Немана).

В июне 1238 г. в резиденции датского короля Вальдемара II Победителя был заключен договор, подписанный королем, ливонским ландмейстером «тевтонов» и легатом папы римского в Прибалтике Вильгельмом Моденским, по которому Тевтонский орден Приснодевы Марии возвращал датчанам северную часть Эстляндии, а Дания отказывалась от претензий на остров Эзель (Сааремаа) и на западную часть Эстляндии. К описываемому времени литовский кунингас (Великий князь) Миндовг (Миндаугас) сумел объединить под своей властью Налынанскую, Жетувскую, Жемайтскую и часть Ятвяжской земель Литвы.

В 1240 г. ливонские «тевтоны» (орден меченосцев на тот момент уже был филиалом Тевтонского ордена) выступили из трех крепостей – Оденпе, Дерпта и Феллина, датские крестоносцы – из Ревеля, а шведские отправили из города Бирки (тогдашней столицы своего королевства) военно-морскую экспедицию в Ижорскую землю, платившую дань новгородцам. К ливонским «тевтонам», наступавшим на Псков, присоединился со своей дружиной и нашедший убежище во владениях ордена Девы Марии князь Ярослав Владимирович (сын изгнанного Мстиславом Удатным из Пскова князя Владимира), надеявшийся с помощью гладиферов вернуться на отцовское княжение.

Ливонские «тевтоны» осадили Изборск, хорошо укрепленный город на западной границе псковских земель. После нескольких неудачных приступов Изборск был взят. Недавние меченосцы, оставив там свой гарнизон, вместе с князем Ярославом Владимировичем двинулись дальше, на Псков. Псковичи во главе с воеводой Гаврилой Гориславичем (назначенным молодым новгородским князем Александром Ярославичем) выступили навстречу союзникам, которые дали им бой, невзирая на численное превосходство и отличное вооружение псковичей. Последнее обстоятельство было особо подчеркнуто в «Рифмованной хронике» Генриха Латвийского (Латышского) :

Жители Пскова тогда
Не возрадовались этому известию.
Так называется город,
Который расположен на Руси.
Там люди очень крутого нрава...
Они не медлили,
Они собрались в поход
И поскакали туда,
Многие в блестящей броне,
Их шлемы сияли, как стекло.

С ними было много стрелков.
Начался жестокий бой.

Невзирая на «крутой нрав», отличное вооружение и множество стрелков, псковичи были разбиты. В битве пало более восьмисот псковичей, в том числе их воевода Таврило Гориславич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.